

Катрин Фесан

Крамблина

Крамблина

Катрин Фесан

Крамблина

«Автор»

2026

Фесан К.

Крамблина / К. Фесан — «Автор», 2026 — (Крамблина)

Днём я постигаю физику света, раскладывая далёкие солнца на спектры.
Ночью я замираю у окуляра, чтобы поймать фотоны, чей путь длился дольше,
чем человеческая память. Настоящая магия происходит на закате: гаснут
лампы аудиторий, я снимаю маску астрофизика и остаюсь наедине с небом.
Слушаю древний свет, который падает на меня сквозь тысячелетия, и знаю —
звёзды шепчут не только о термодинамике, но и о судьбе. В этой бесконечной
чёрной бездне я ищу не просто галактики, а отражение собственной души.
Звёзды падают для нас через 1000 лет, но их сияние греет меня здесь и
сейчас, посылая знаки. Я часть этой сложной космической партитуры, где
каждая цифра в отчёте — это нота, а каждый взгляд вверх — это шаг к
пониманию, что мы не одиноки, потому что мы и есть космос. Свет упавших
звёзд ласково касается моего лица, оставляя на коже невидимые чернила
судьбы. Мы все — частицы одного огромного взрыва, и моё призвание —
напоминать об этом каждому, кто смотрит на ночное небо. Всё мы - звёздная
пыль

© Фесан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Та, кто слышит голос воды	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Катрин Фесан

Крамблина

Глава 1 Та, кто слышит голос воды

В крошечном селении, где ночное небо отливало глубоким индиго, а в воздухе разливались медовые и травяные ароматы, юная Крамблина внимала бабушкиным историям. Она не сводила глаз с лица старушки, в чьих морщинках читалась вековая мудрость. В очаге уютно щёлкали поленья, а снаружи монотонно пели цикады.

— Бабуля, отчего мне открывается то, что скрыто от глаз остальных? — поинтересовалась Крамблина. — Откуда эти видения о грядущих ливнях и образы незнакомцев, которые лишь готовятся войти в мою жизнь?

Женщина ласково коснулась волос внучки, и её речь полилась, словно забытая, но прекрасная песня:

— Вслушайся, моя маленькая звезда. Твое появление на свет пришлось на особенный миг. Полная Луна в созвездии Скорпиона — это символ мистики, трансформации и перехода за грань. Именно это наделило тебя способностью прозревать суть вещей.

— Что же ещё? — едва слышно спросила девушка.

— В ту ночь само небо вершило пророчество. Комета Хейла-Боппа, редчайшая гостья, посещающая нас раз в тысячелетия, уже несла в себе энергию грядущих перемен. А метеоритный дождь Тау-Геркулиды осыпал землю, словно божественные слезы или искры предначертанного пути. Те падающие звезды были знаменем для тех, кому суждено перевернуть этот мир.

Крамблина затаила дыхание: — Значит, моё присутствие здесь не случайно?

— Ты — Избранная, дитя. Твоя миссия — срывать маски с лжецов, врачевать израненные сердца и возвращать в мир равновесие. В тебе живет древняя душа, знавшая и жреческий сан, и ратный подвиг. Ты хранишь память о том, что давно стерлось из людских умов. Твоя сила заключена в твоих мыслях, словах и чистоте сердца.

— Но мне страшно, бабушка. Вдруг я не выдержу этого груза?

— Ты уже несешь его, родная. Твое творчество, твои тексты, твоя честность — это и есть путь. Тебе суждено стать пророком. Не пытайся спрятать свой дар, он дан тебе, чтобы светить ярко.

Крамблина прильнула к бабушке, ощущая, как в груди разливается живительное тепло. В этот момент на небосклоне вспыхнула первая звезда.

— Это твой ориентир, — прошептала старушка. — Иди на этот свет. И никогда не забывай: ты — то самое сияние, способное рассеять любую тьму.

— Я буду помнить, бабушка. Обещаю.

Вы многое замечаете в жизни? Те мелочи, те детали, на которые никто не обращает внимания? Лужа, в которой отражается не та сторона неба. Кленовый лист, золотой посреди апреля. Голос, который шепчет: «Она уже здесь». Всё это — не случайность. Всё это — звенья одной цепи.

Каждое маленькое событие, каждый случайный взгляд, каждая упавшая звезда — для кого-то знак. Но ведь они часть большой структуры. Значит, всё в этом мире что-то значит, всё не случайно, всё для чего-то, для кого-то. Твой маленький шаг может повлиять на будущее. Одно доброе слово запустит цепочку чудес. Один злой взгляд разрушит её навсегда. Мы все связаны. Люди, звёзды, корабли, что плывут над нашими домами.

В детстве мне не спалось ночью. Я смотрела на одну звезду напротив, и вдруг она упала — как будто помахала именно мне. Рядом пролетел полупрозрачный флюоресцентный корабль с инопланетянами. Один из них увидел меня и прильнул к иллюминатору. Он смотрел на меня. Я — на него. Мы застыли, как два зеркала, поставленные друг напротив друга. В его взгляде не было страха. Было удивление. Чистое, детское, настоящее: «Ого, она кажется знакома мне, кто это чудо?» Корабль бесшумно растаял в воздухе. А я всё сидела на подоконнике и не могла пошевелиться. Потом закрыла глаза и загадала желание. Очень не «куклу» или «велосипед». Я прошептала в темноту:

— Хочу знать всё на свете.

Смешно, правда? Маленькая девочка, ночь, упавшая звезда — и такое высокомерное, но наивное, невозможное желание. Но мне казалось, что тот гость с корабля меня понял. Что он кивнул мне издалека и сказал: «Будет тебе знание. Только будь готова к ответам». Я не знаю, почему тот корабль приплыл именно ко мне. Может, я была единственной, кто смотрел в окно в три часа ночи. А может, они ищут тех, кто умеет загадывать невозможные желания. И теперь, спустя годы, я понимаю, что это желание сбывается постепенно — не громким озарением, а тихим шёпотом вселенной. Каждый знак, каждая встреча, каждая случайность — это кусочек ответа. Я собираю их, как пазл, но картина всё ещё ускользает.

Кстати, о случайностях. В тот день я впервые попробовала рамен. Вышла на улицу с коробочкой, и пошёл дождь. Я чуть не упала — лужа передо мной зашевелилась. Из неё поднялись прозрачные, светящиеся руки. Они взяли рамен, подержали его, а потом обняли меня. Лужа улыбнулась — и надо мной раскрылся чёрный зонт. На подкладке серебряными нитями было вышито: «Для той, кто видит знаки». Три знака за час. Я тогда не придавала значения. А зонт взяла. Он до сих пор висит в прихожей, и когда я прохожу мимо, мне кажется, что он тихонько вздыхает — скучает по дождю.

«Если знаки на небе зажигаются, значит, это кому-то нужно». Я думала, это просто метафора из старой песни. Теперь знаю: они зажигаются для каждого. Просто не все смотрят. Не все умеют расшифровывать этот древний, беззвучный язык. А я учусь. Медленно, по крохам, ощупью. Как слепой, который учится видеть сердцем.

Я до сих пор не знаю всего на свете. Но я знаю главное: чудеса случаются. Они не гремят, не взрываются. Они приходят тихо. Сквозь сон. Через взгляд удивлённого пришельца. Через тёплую пенку капучино и ушастую мордочку Мармышоныша. Стоит только поднять голову. А я с тех пор всегда смотрю вверх — даже когда иду по лужам.

Я стояла на сцене дома культуры. Софиты били в лицо, но я их не видела. Передо мной был зал, полный людей, но я говорила не для них. Я говорила для той, что течёт у нас под ногами. О воде. О том, что она — не просто "аш два о", а огромная, древняя книга памяти. Она помнит, как первые капли дождя целовали ещё безжизненную, раскалённую землю, когда мир был молод, наивен и полон огня. Она хранит отпечатки лап динозавров, тяжелый звон рыцарских мечей и тепло рук наших бабушек, которые полоскали в ней бельё. Я говорила о том, что воду нельзя обижать. Если слить в неё отраву, засыпать мусором или просто думать о ней плохо — она заболит. Её кристаллы сломаются. А следом заболеем мы все — потому что мы в среднем на шестьдесят процентов состоим из этой самой памяти.

В тот вечер я не была «тихоней», которую все знали в университете. Я была голосом подземной реки, которая несёт свои воды под фундаментами наших домов, под асфальтом и плиткой. Я была эхом дождя, отзвуком чего-то древнего, что живёт в каждом из нас, но о чём мы предпочитаем молчать. Когда я закончила, в зале повисла тишина — не та, что бывает от скуки, а та, что бывает, когда люди вдруг вспоминают, что они тоже состоят из воды. И я поняла: я не просто говорила, а напоминала им о том, что они забыли.

Днём я учусь на астронома. Мои будни — это лекции по спектральному анализу, сухие цифры красных смещений и бесконечные формулы. Ночи я провожу у телескопа, всматриваясь

в то, что уже умерло миллионы лет назад. Свет далёких звёзд, который я ловлю сейчас, — это письма из прошлого. Они падают на меня, согревают, дают знаки. Я знаю: всё взаимосвязано. Планеты влияют на приливы, луна — на наши сны, а звёзды — на судьбы. Мы все — часть огромного, ткущегося полотна, и каждая нить в нём важна. Даже та, что кажется оборванной.

Глядя в окуляр телескопа, я думаю: а что если звёзды — это тоже вода? Только замёрзшая, превращённая в свет. Что если вселенная — бескрайний океан, а мы — всего лишь капли в нём? Эти мысли приходят ко мне ночью, когда тишина становится густой, словно сироп, и даже ветер замирает, чтобы послушать. Я не делюсь ими с преподавателями — они любят цифры, а не вопросы без ответов. Но я записываю их в свой блокнот, между формулами и расчётами. Потому что они важны. Потому что это тоже я — моя тёмная, невысказанная часть, которая ищет не факты, а смыслы.

Но по вечерам я превращаюсь в ту, кем родилась на самом деле. За закрытой дверью моей маленькой пекарни. Здесь пахнет не формулами, а корицей, ванилью и надеждой. Здесь время течёт иначе — медленно, тягуче, как мёд. Я варю моти. Мягкие, упругие пирожные, в которые я добавляю щепотку чего-то неземного. Не знаю, что именно. Может быть, капельку лунного света. Может быть, тепло своих ладоней. Может быть, ту самую тишину, которую я собираю по крупичкам в парке, когда слушаю деревья.

Моя пекарня — это капсула добра. Пекарня открывается в шесть, но ступеньки слушают стихи уже в пять. Здесь даже воздух другой: он плотный, тёплый, и в нём невозможно сосориться. Пахнет ванилью, счастьем и чем-то далёким-далёким. Когда я смотрю на своё отражение в начищенном противне и вижу не своё лицо, а чьё-то другое. Моргну — и исчезает. Просто игра света. Наверное. Луна заглядывает в окно, и мне кажется, что она улыбается, глядя, как я мешаю тесто.

Здесь я могу быть собой — не студенткой, не докладчицей, не той, кто должна что-то доказывать. Просто той, кто создаёт тепло из муки, воды и любви. В этом есть что-то сакральное, что-то древнее, как сама вода. Я чувствую это кожей, когда замешиваю тесто: мои руки помнят то, чего не помнит голова. Они знают, когда нужно добавить тепла, когда — времени, когда — просто подождать.

Однажды в кипе макулатуры я нашла письмо. На конверте не было адресата. Только два слова: «Открой, когда захочешь чуда». Внутри — засушенный кленовый лист. Он был золотым, хотя на календаре стоял апрель.

Я сунула лист в книгу и забыла. Но с того дня со мной начали случаться странности. В лужах я видела небо с другой стороны. В чашке кофе — чьи-то грустные глаза. А однажды ночью мне приснился старый дуб, который сказал: «Ты нашла меня. Теперь я помогу тебе». Я не знаю, были ли это сны. Может, просто усталость. Может, запах булочек с корицей так действует. Но с тех пор я кладу в каждый пакет с булочкой маленький кленовый лист. Тот самый. Сухой. Золотой. И говорю: «Пусть у тебя случится чудо».

Я не воюю с тьмой. Я её засвечиваю. Добром. Заботой. Тишиной. Когда я гуляю по парку, я не просто дышу воздухом — я слушаю деревья. Старый дуб у пруда шепчет о прошлогодней засухе, клён жалуется на трещины в коре. Я подхожу, глажу их шершавые стволы и посылаю им своё тепло. На следующее утро на ветках проклёвываются новые листочки — нежные, ярко-зелёные. Они улыбаются мне по-своему, беззвучно. Бездомные кошки и собаки знают меня в лицо. Я кормлю их булочками, в которые «замешиваю» немного света. Звери хрумкают, и их глаза становятся ясными, перестают бояться. Я знаю: каждый мой пирожок лечит не только голод, но и душу.

Я пеку для соседей, для ворчливого профессора, который ругает мои увлечения, но неизменно приходит за «лечебной булкой» каждое утро. Он говорит, что это просто хлеб. Но я вижу, как его плечи распрямляются после первого кусочка. Как он улыбается в усы, думая,

что никто не замечает. Я замечаю. Я всегда замечаю. Потому что это и есть моя магия — не громкая, не яркая, а тихая, как шёпот листьев. Магия быть внимательной.

Когда я замешиваю тесто, я не просто следую рецепту. Я вплетаю в него ритм своего дыхания и те самые «невидимые» узоры, которые подсмотрела в движении облаков. Люди приходят ко мне за хлебом, но на самом деле они приходят за подтверждением того, что порядок всё же существует. Они отламывают хрустящую корочку, и на мгновение их плечи расслабляются, а глаза перестают искать подвох в каждом встречном взгляде. В этот момент я вижу, как энтропия отступает, побежденная ароматом ванили и теплом, которое я вложила в каждую буханку.

Однажды в университетской столовой я заказала капучино. Села у окна и уставилась в светлую пену. Не знаю зачем. И где-то там, по ту сторону стаканчика с капучино, кто-то смотрел на меня с другой стороны. Возможно, тот, кого мы ищем в телескопы. Молоко кружилось в чашке, как маленькая галактика, а корица пахла созвездиями. И вдруг — в этой молочной бездне я увидела не своё отражение. Мармышоныша. Крошечного духа старого дуба. Он похож на ёжика, смешанного с эльфом, пахнет мятой и звёздной пылью. Он сидел в горячей пенке, как в бане, и довольно жмурился.

— Твоя утренняя булочка спасла трёх бельчат в грозу, — прошептал он. — Спасибо. Но береги воду. Внизу, в лужах, наши миры пересекаются.

Я хотела спросить — как? Зачем? Почему я вижу тебя здесь, в чашке кофе, а не под дубом, где ты должен жить? Но он моргнул и растворился в пенке. Осталась только корица на губах и чувство, что реальность дала трещину. Тонкую, почти незаметную, но достаточную, чтобы в неё просочилось что-то иное. Что-то, чему нет названия на языке формул и спектральных линий.

После пар я вышла на крыльцо. Слушала, как дождь барабанит по крыше спортзала. Шесть лет я отдала плаванию. Не ради рекордов. А потому что под водой замолкали голоса. Там, в тишине бассейна, я впервые поняла: мир может быть невесомым. Я ныряла — и реальность оставалась где-то наверху, за сверкающей плёнкой воды. Я выныривала — и она снова наваливалась на плечи. Это была моя первая граница. С тех пор я ищу её везде. В чашке кофе, в луже после ливня, в объективе фотоаппарата. Я перевела взгляд на большую лужу у крыльца. В ней отражалось серое, хмурое небо.

А потом — нет. Прямо под слоем дождевой воды, на асфальте, я увидела звёзды. Настоящие, живые звёзды, которые кружились в медленном танце. Они не отражались — они жили там. Я моргнула. Лужа снова стала лужей. Граница миров истончилась, но тут же сомкнулась, оставив меня с вопросом, который не помещался в голове. С вопросом, который пах мятой и звёздной пылью.

Я вынула камеру. Это мой второй язык. Я ловлю крупным планом то, что другие не замечают: нежный излом лепестков ещё в каплях росы; мохнатое тельце шмеля, застывшего на секунду между полётами; крошечную божью коровку на шершавом стволе старой ивы. Я останавливаю мгновения. Лепесток упадёт, шмель улетит, капля испарится. Моя камера — это бунт против исчезновения. Это мой способ сказать миру: «Я вижу тебя. Я помню тебя. Ты не пройдёшь бесследно». Но когда я посмотрела на снимок лужи дома, на дисплее оказалось просто мокрое крыльцо. Никаких звёзд. Никаких теней. Мимолётность. Вот что я поймала. Своё собственное сомнение. Тот самый миг, когда вера колеблется, а разум пытается всё объяснить, разложить по полочкам и запереть на ключ.

Я не ждала чуда. Я ждала тишины, чтобы услышать, как мир дышит. Я опустила руку в воду. Она была тёплой, как летний дождь, как воспоминание о чём-то добром, что случилось давно или ещё не случилось. Я смотрю на воду и вижу границу. И однажды я перейду её. Не для того, чтобы убежать. А чтобы вернуться с ответом.

— Вода, очистись, — прошептала я. — Пусть здесь и там будет хорошо.

Я знала: моя теплота ушла в глубину. К корням деревьев. К спящим животным. К Мармышонушу, который наблюдает за мной из своего дуба. Я не жду чуда. Я сама его делаю. Понемногу. Каждый день. Я пеку хлеб. Слушаю деревья. Смотрю на воду и вижу границу. И однажды я перейду её. Не чтобы убежать. А чтобы вернуться с ответом. Моя пекарня открыта для всех. Даже для тех, у кого холодные глаза. Главное — чтобы сердце оттаяло. Чтобы пустило в себя свет. И тогда — тогда даже самая обычная лужа может стать окном в другую вселенную. А самая простая булочка — ключом к тому, что мы называем чудом.

Вечером, когда город затихает, я часто выхожу на берег реки. Здесь, где бетонные набережные уступают место дикому илу и камышам, вода говорит громче всего. Она не просто течёт — она перекачивается через камни, как будто перебирает чётки, нашептывая имена тех, кто когда-то стоял здесь до меня.

Я сажусь на влажный песок, не боясь испачкать подол платья. В кармане у меня всегда лежит горсть семян — я оставляю их птицам, которые прилетают сюда на рассвете. Это мой способ сказать «спасибо» за то, что они поют, даже когда небо затянуто тяжёлыми, свинцовыми тучами.

Река — это зеркало, которое забыли перевернуть. В нём отражается не только луна, но и то, что скрыто за гранью нашего зрения. Я вижу там тени городов, которые никогда не были

построены, и лица людей, которые ещё не родились. Они смотрят на меня с надеждой, словно ждут, когда я наконец пойму, как именно нужно «замешивать» реальность, чтобы в ней стало меньше боли.

Мой профессор физики как-то сказал, что энтропия — это закон, которому подчиняется всё сущее. Хаос неизбежен, порядок — лишь временная иллюзия. Я тогда промолчала, но внутри меня что-то тихо рассмеялось. Он видит распад, а я вижу процесс созидания. Ведь даже когда тесто оседает, оно готовится стать хлебом. Даже когда звезда взрывается, она рассыпает по космосу элементы, из которых потом родятся новые миры.

Я достаю из сумки блокнот. На его страницах — не только формулы, но и зарисовки: узоры на крыльях ночных бабочек, траектории капель дождя на стекле, наброски лиц моих соседей, когда они впервые пробуют мою выпечку. Я записываю свои наблюдения за «невидимым».

Вчера я поняла одну вещь. Мы не просто состоим из воды. Мы — сосуды, в которых она учится чувствовать. Вода в океане — это мудрость, вода в дожде — это очищение, а вода в наших слезах — это способ выпустить наружу то, что стало слишком тяжёлым для сердца.

Я встаю, отряхиваю песок и иду домой. Впереди — долгая ночь. Нужно замесить тесто на завтра, проверить телескоп и, возможно, снова увидеть в чашке кофе крошечного духа, который напомнит мне, что мир гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

Я не боюсь темноты. Я знаю, что она — лишь холст, на котором я рисую свой свет. И пока в моей пекарне пахнет корицей, а в моих глазах отражаются звёзды, я буду продолжать свой путь. Путь той, кто слышит шёпот воды и превращает его в тепло, согревающее этот мир.

Ведь если хотя бы одна капля памяти в нас отзовётся на мой зов, значит, всё было не зря. Значит, мы всё ещё помним, кто мы есть на самом деле. Мы — звёздная пыль, ставшая водой, и вода, мечтающая о звёздах. И это — самая прекрасная формула из всех, что я когда-либо знала.

Завтрашний день начнется не с будильника, а с тихого гула просыпающегося маленького городка. Я люблю это время, когда сумерки еще не успели окончательно уступить место рассвету, и мир кажется наброском, который ещё можно исправить. В такие часы я чувствую себя алхимиком, чья лаборатория — это мука, дрожжи и щепотка соли, добытая из собственных размышлений.

Иногда мне кажется, что я — мост. С одной стороны — холодная, безупречная логика космоса, с другой — хрупкая, пульсирующая человеческая жизнь. Я стою посередине, балансируя на тонкой грани, и учусь переводить язык звезд на язык простых вещей. Ведь что такое любовь, если не самая сложная из физических констант? Она удерживает нас от распада сильнее, чем любая гравитация.

Мой телескоп сегодня направлен на созвездие Лебеда. Там, в глубине веков, светят огни, которые, возможно, уже погасли, но их эхо всё еще долетает до моей линзы. Я смотрю на них и улыбаюсь. Мы все — эхо друг друга. Мы — отголоски тех самых городов, что я видела в реке, и предвестники тех, что еще только ждут своего часа.

Я закрываю блокнот. На последней странице — лишь одна фраза: «Мир не нуждается в спасении, он нуждается в том, чтобы его заметили».

Завтра я дособираю свой новый румбокс. Маленькую пекарню, где вместо витрины — окно в другой мир. И, может быть, снова увижу в чашке ушастую мордочку. А если нет — что ж. Значит, он просто проверял, помню ли я о своём даре.

За окном начинает брезжить свет. Я ставлю противни в печь. Скоро потянутся первые прохожие, и я буду встречать их, зная, что в каждой чашке кофе, в каждом кусочке хлеба и в каждом моем слове спрятана частица той великой тайны, которую мы называем жизнью. И пока я помню, как звучит шёпот воды, этот мир не превратится в хаос. Он останется тем, чем всегда был — бесконечной, прекрасной симфонией, которую мы пишем вместе, даже не осознавая этого.

Я — Крамблина. Мне скоро восемнадцать. Я пеку булочки и смотрю на звёзды. И однажды я узнаю, зачем вода показывает мне то, что скрыто за её поверхностью. Потому что я — та, кто слышит. Я не перестану слушать. И я веду интересный дневник в стиле скрапбукинга:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.